

Татьяна Толстая

Ураган

Идет

29 октября 2012 года

Сегодня в Нью-Йорке ждут урагана Сэнди, который должен обрушиться на океанский берег штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси, а стало быть, и на Манхэттен. Обещали начало спектакля после полудня, но, может быть, и позже, днем, а может быть, и вовсе темным вечером.

Я тут гощу у сына в нью-йоркском районе Трибека. Наш дом – приблизительно третий или четвертый от Гудзона, а стало быть, мы попадаем в зону А, которая, предположительно, подвергнется. Живем мы на 25-м этаже, и вряд ли воды поднимутся так высоко, мы же не в фильме Спилберга и не в песне Питера Габриэля: «*Lord, here comes the Flood! We'll say goodbye to flesh and blood*» [\[1\]](#). Но эвакуационная служба живет по своей логике и выполняет собственные предписания: всем живущим в зоне А покинуть свои дома на два дня; если у вас нет добросердечных родственников или жалко денег на отель (да, дорого), то милости просим, для вас открыты убежища с теплыми одеялами и кружкой американского кофе.

Родственники у нас есть, но далеко. В убежище мы не хотим. Поэтому волей-неволей мы, подхватив маленького ребенка и чемоданы с необходимым барахлом, отправляемся в отель и еще радуемся, что успели забронировать последние номера и идти нам всего десять кварталов. Метро-то закрыто. Мосты-то перекрыты. Поезда и автобусы не ходят. В огромном супермаркете *Whole Foods* граждане смели с прилавков весь хлеб, все бананы и начисто, до крошки, скупили ростбиф и прочую запеченную говядину. А ветчина и индейка валяются нетронутыми. И яблок никому не надо. Колбаска съедена, а сыр нет. Сюда, маркетологи! Видите? Думайте!

Логика выселения из домов, в общем, понятна: а вдруг вода поднимется слишком высоко? (Да, она уже сильно поднялась.) А вдруг она затопит подвалы и всякие там электрощиты? (Подземные паркинги она точно затопит.) Стало быть, надо отключить лифты. И вообще электричество. И воду. В доме останутся только консерджи, и им – как они доверительно сообщили – выданы бейсбольные биты: отбиваться от народа, который, по всей очевидности, придет. Я так полагаю, он приходит всегда, будь то Америка или Антарктида. Ау, социологи! Вам работка!

Конечно, можно и не уходить, вас никто не оштрафует. А вот представьте себе: вы – простой бесхитростный американец, насмотревшийся фильмов ужасов. Вот вы остались дома, опасаясь грабителей, и ждете. И вот – Оно идет. Белыми дождевыми пакетами, тугими порывами ветра, сотрясая ваш жалкий небоскреб. Сейчас Оно выдавит стекла, вы обделаетесь от страха – а воды-то нет, а лифта нет, а на лестнице тьма, а грабители бесстрашно хохочут, – убив консерджа и овладев его бейсбольной битой, они карабкаются вверх по темной лестнице, чтобы отнять у вас нажитое и дорогое сердцу! А-а-а!

Так думает, так хочет думать эвакуационная служба. Если с вами такое случилось и вы выжили, то к нам – никаких претензий, говорит эвакуационная служба. Мы же сказали вам: выселяйтесь.

Ураган сегодня, а выселили нас вчера, загодя. По темным улицам, под мотающимися на перекрестках светофорами, под порывами шквального ветра шли, смеясь, семьи и пары – с детьми, с собачками, с чемоданами. На некоторых перекрестках ветер с реки был так силен, что идти было нельзя, пока не стихнет порыв, – тогда смех звучал еще веселее. У деревьев, казалось, оторвутся кроны. По тротуарам быстро неслась мелкая водяная поземка. Ветер выдувал бумажки из мусорных баков, и можно было ожидать получить в морду клейкий кусок полиэтилена с чьим-то недоеденным хвостиком сосиски и кетчупом. А поскольку американцы в нетерпении начали праздновать Хэллоуин не 31-го числа, а уже сильно накануне, в субботу и воскресенье, то среди эвакуируемых попадались Синие Черты, Женщины с Необъятной Задницей и Принцессы с Зелеными Волосами, а у аптеки стоял небольшой унылый Супермен и грустно смотрел в витрину.

Мы пришли, мы, можно сказать, дошли, разместились, согрелись, полюбовались и расселись. Ребенку принесли кроватку, взрослые заказали коктейли. Если у вас есть деньги, то ваши неудобства смехотворны. Красивая крыша над головой (хотя дома лучше), вкусный ужин (пусть вы ждете его полтора часа, но ведь эвакуация! все в одинаково трудном положении), легкий адреналин при мысли о возможной предстоящей катастрофе (сметет все постройки на набережной: детскую площадку, пирс, ресторанчики). А все-таки это призрак кочевья, степи, бездомности, переселения народов, потерянности, перепутий. А все-таки это пахнуло реальной жизнью, стихией, то есть той безликой, равнодушной к вам непоправимостью, которая ведь случается ежедневно, ежеминутно с другими людьми. Не с вами, конечно, не с вами.

Мы сидели в креслах, и нам приносили воду и вино необыкновенно стройные, бесконечно длинноногие и извилистые красавицы – одна совсем как черная игла, другая – азиатка баскетбольной высоты с загадочным лицом, третья – латиноамериканка с формами, на которые все невольно оборачивались. И я думала: вот они тоже дошли, спаслись, согрелись, а что было до того? Как пришли сюда их родители, их деды? На катере через Желтое море? Перебегая пограничное шоссе и погибая под колесами? В цепях и в трюме? И думают ли они об этом, когда вежливо склоняются над столиками, расстилая салфетки и благодаря за заказ? Или они вообще не думают о прошлом, как и полагается счастливым?

Ночью дом трепало, и ветер бил в окна, и они дрожали, но еще ничего не началось. Вот, может быть, начнется сейчас. Или немного позже. Вообще, думаю я, что-нибудь, кто-нибудь обязательно придет. Или ураган, или народ, или кризис, или кочевье. Или вообще перемена участи. Ведь и сейчас, пока я, в полной безопасности, в излишне теплой комнате с неоткрывающимися окнами, не сплю и жду, кто-то куда-то идет, и мы не знаем, кто и зачем, и сколько ему осталось.

Пришел

29 октября, 10:00

Скучное утро в отеле, набитом под завязку. Вообще-то все отели Нью-Йорка, говорят, переполнены, но зато отменены три тысячи самолетных рейсов, так что прикиньте, сколько мест освободилось. Отель у нас – с вниманием к экологии: мыло в ванной – хозяйственное, маленькая коричневая вонючка, этот запах я помню и ненавижу с детства. Постельное белье меняют только по особой просьбе: зачем же тратить водные ресурсы? Отель – гуманный, разрешает с собаками. Американская собака не лает, не кусает, не пахнет, отчего бы с ней не разрешить. Людей в отеле любят меньше.

(...)

Под дверь номера все время подсовывают письма счастья: «Мы всё делаем для вашей безопасности, для вашего комфорта. Поэтому с 4 часов мы перестанем пускать в отель ваших друзей. А в 9 вечера запрем двери и вообще никого не впустим и не выпустим». Тем более надо сходить домой!

29 октября, 14:00

На улице – странный гул, неизвестно откуда исходящий. Тепло, сеет дождь. Внезапные порывы ветра гонят желтую листву. Валяются сломанные ветки. Но пока ничего страшного не видно. Наконец находим источник гула: это гудят недостроенные небоскребы. Верхние их этажи еще не закрыты стенами и представляют собой продуваемые металлические ячейки. Звук низкий, вызывающий тревогу. Мы добираемся до дому, наскоро едим, забираем йогурты и игрушки. В подвальном этаже, на складе, у нас хранится куча добра: чемоданы, детский матрас, одежда, – все то, что не помещается в квартиру. Надо бы все это забрать, но приближается час «Ч» – четыре пополудни, – и нам надо успеть в отель до этого часа, потому что с нами няня.

Лифты в нашем здании уже отключены, мы спускаемся на грузовом. Наши консьержи обкладывают входные двери мешками с песком.

На обратном пути ветер дует уже вполне угрожающе, а гул нарастает. Возникает чувство страха – я думаю, что от одного из зданий исходит инфра-звук, но, может быть, я плохо учила физику. Во всяком случае, я постоянно оборачиваюсь посмотреть, не упадет ли дом на нас, – и это спасает меня от выбитого глаза, так как шквальный порыв внезапно приносит какой-то твердый предмет, который и ударяет меня со всего размаху по голове. Не успеваю разглядеть, что это было, он уже далеко.

Ветер крепнет с каждой минутой. Мы двигаемся перебежками, между порывами, прижимаемся к стенам, прячемся в нишах, закрываем глаза от свистящей в воздухе пыли. Внучка в коляске трижды прикрыта и укутана, но она все равно напугана, и мы напуганы за нее, и корим себя за легкомыслие; говорили же нам: сидите в помещении!

Наконец без трех четыре мы вбегаем в отель. Сказка такая была: «Как муравьишка домой спешил». Муравьишки успели.

(...)

29 октября, 20:29

Вырубается свет, наступает полная тьма. Света нет и в соседних домах. Гаснут светофоры. Нижний Манхэттен со всеми своими башнями, правительственными зданиями, дорогими жилищами голливудских звезд, финансовыми небоскребами погружается во тьму. Сию же минуту раздается детский плач: в отеле много малышей, и им сразу страшно. Собаки начинают тявкать. Служащие идут по коридорам, раздавая пластиковые свечки: если сделать разламывающее движение, что-то в трубке лопнет, химикалии прореагируют, и возникнет зеленое свечение; жизни такой свечки хватает часов на двенадцать.

В отеле забаррикадировали вход, заложили мешками с песком. Для вящего гламура и нашего непрерывного комфорта зажгли ароматические свечи. Телефоны не работают, интернет вырубился, мы ничего не можем сообщить о себе внешнему миру и ничего не можем узнать о внешнем мире. Можно только писать тексты впрок, пока не села батарея. Что я и делаю.

29 октября, 21:00–22:00

Лежим в темноте и духоте; окна нельзя открыть, даже если бы очень захотелось, там – ад. Телевизор, оборвавший свой репортаж на полуслове, успел радостно сообщить, что буре понизили категорию – она теперь не тропический шторм, а просто ураган. Так что тот, кто воет, дик и злобен, в крошечной тьме за окном – это просто ураган. Просто водные ресурсы. Просто Сэнди.

Шепчемся с няней (она из Питера) о том, что нам, питерским, конечно, не привыкать; у нас каждый год наводнение, каждый ноябрь вздувается вода, и плевать ей на дамбу, – из берегов выходят и Нева, и нянина любимая Фонтанка, и моя любимая Карповка, и так будет вечно, аминь, а раз в сто лет обязательно придет Большая Волна, потому что и город проклят, и поэт так завещал. И, озарен луною бледной, простерши руку в вышине, за ним несется Всадник Медный на звонко-скачущем коне. У нас наводнение, говорим мы, – это карающая длань государства, воплощенная в Медном Всаднике. А у американцев демократия, поэтому их герой – Всадник Без Головы.

В общем, я поняла, что это мне напоминает – «Титаник» в миниатюре. Мы-то не утонем, мы первый класс, у нас заплачено за шлюпки. Мы заперлись в тепле и не пустим посторонних. Все делается для нашего комфорта. А как там те, у кого нет денег на пятизвездочный отель? Как там не добравшиеся до дому, оттого что метро закрыто, тоннели заперты, а автобусы не ходят? Как там не понявшие, плохо говорящие по-английски, не расслышавшие указаний, не знающие, как пройти в убежище? как там внезапно рожаящие, как там свалившиеся с сердечным приступом, как там маленькие дети, напугавшиеся в своих темных квартирах? как там нервные или депрессивные граждане, боящиеся одиночества? Как бомжи, наконец? Ведь решетки, на которых они привыкли спать, защиты фанерой, подъезды заколочены, и никто не впустит плохо пахнувшего, пьяного и вполне себе сумасшедшего бомжа в свой дом!

(...)

29 октября, 24:00

И всплыл Манхэттен как тритон, по пояс в воду погружен.

30 октября, 10:00

Утро, тишина. Ни воды, ни света. Выхожу на разведку. Менеджер на входе: «Вы выходите без ключа? Мы не впустим вас назад!» – «Как не впустите, здесь мои чемоданы!» – «Так и не впустим, для вашего же комфорта!»

Понятно – пересекая невидимую черту, покидая экологически проверенные пять звезд, мы становимся подозрительными личностями. Возможно, мародерами. Ведь всякий шагнувший с мокрых ветреных улиц в ароматный уют убежища намерен ограбить спасшихся избранных. И привратник, гостиничный Янус, только что сиявший тебе в лицо особой пятизвездочной улыбкой, обернется к тебе с враждебным оскалом. И, наверно, хряпнет тебя по голове битой. Меня, впрочем, вчера что-то уже хряпнуло. Какой-то всадник без головы.

30 октября, 12:00

Выписались из отеля. Общая пришибленность. Сын сходил в притихший город на разведку. Ну, что? Мы не знаем, что! Не работает ни один телефон, замолчали соты, не фурычит вай-фай, все познается только простым расспрашиванием и ощупыванием, как в XIX веке. Наш дом (*home, sweet home*) вышел из строя. Окна на нашем 25-м этаже целы, но нет ни света, ни работающих сортиров (замолкли насосы), и жить в квартире нельзя. Затопило подвалы, и погибли все чемоданы, все игрушки, вся одежда, велосипеды, матрасы – всё. В фойе стоит вода десятисантиметровой высоты. У консьержей выросла борода и ввалились покрасневшие глаза, но руки их крепко сжимают бейсбольные биты.

В доме по соседству, где у сына офис, охрана поленилась забаррикадировать двери мешками с песком, и этих дверей больше нет. Их вырвал бушующий поток. У здания, которое строится на месте погибшего *World Trade Center*, запасной генератор располагался ниже уровня земли, и его залило, и он погиб. Есть дураки и в Америке.

И все часы на всех зданиях, на всех перекрестках остановились на цифре 20:29 – моменте, когда взорвалась электрическая подстанция. А отчего она взорвалась, никто нам не скажет. Мы живем только слухами, передаваемыми от одного неверного свидетеля к другому. XIX век, как и было сказано.

Наша машина чудом сохранилась – этому конкретному подземному паркингу просто повезло. Другие затоплены. Мы сходим с «Титаника», мы медленно едем через большой полупустой город с неработающими светофорами на север к родственникам. Мы сдались. Водители необычайно аккуратны и вежливы. Кафе закрыты. Магазины закрыты. Чашки кофе не купить. Но вот кончился нижний Манхэттен, начался средний – и как будто урагана и не было, другая – благополучная и цветущая страна.

И только в центре, у Карнеги-холла, полицейские ограждения, объезд и оживление: оборвался и болтается на уровне 90-го этажа башенный кран. Если он упадет, то не будет Карнеги-холла. Радостные туристы, перегнувшись через ограничительные ленточки, фотографируют. Из окружающих домов, сообщает нам проснувшийся интернет, принудительно выселены 900 человек. А ведь они думали, что раз они живут у Центрального Парка, в дорогуших квартирах, то уж с ними-то – с ни-ми-то! – ничего никогда не случится.

Но Всадник может прийти к любому.

(...)

* * *

Мне знакомо это ощущение тоскливой беспомощности, когда цивилизация, какой мы ее знаем, прекращает быть, отключается, умирает. Много лет назад, еще когда я жила и работала в Америке, у меня был свой дом. Он стоял на краю буйного американского леса, ежегодно наползая на меня лианами и сорняками, с которыми я боролась безо всякого успеха; в мае на участке росли ландыши, расцветали ирисы, кустилась еще какая-то ботаническая хрень; летом я стригла траву газонокосилкой, осенью сгребала в кучи красные листья японского клена, зеленые – катальпы и темно-лиловые – ликвидамбара; вот какие деревья росли у меня в саду.

Но вот однажды пришла зима, и с неба начал падать ледяной дождь, который мы до того ни разу не видели. Он падал весь день и всю ночь, а потом враз перестал, и все ветки всех деревьев – кленов, катальпы, ликвидамбара, не говоря уж о дубах и каштанах, – превратились в роскошные хрустальные рогульки, и обрушились на провода, и перерезали их, и во всем штате Нью-Джерси отключилось электричество, и жизнь умерла.

Американский дом, сделанный из двух слоев картона с небольшим расстоянием между слоями (проект Ниф-Нифа), остывает примерно за час-полтора; температура внутри дома сравнивается с температурой внешнего мира. Снаружи минус пять и внутри минус пять, кричи не кричи. Сортир, конечно же, не работает, вода из крана не идет – это же все держится на электричестве. То же происходит у всех ваших соседей, например, у магазинов и кафе. Купить горячей еды или хотя бы питья, считай, не у кого. Шоссе покрыто гладкой ледяной коркой, колеса машины скользят. Так что никто никуда не едет, и мир накрывает тишина. Только звякают на маленьком ветру стебли травы, превратившиеся в толстые хрустальные колосья. Такая смертельная баккара.

В нашем доме был камин постройки шестидесятых. Две его стены были сетчатые, а труба – прямостоящая, то есть в нем можно было зачем-нибудь сжигать что-нибудь, но согреться, прильнув к нему, не было решительно никакой возможности. Да и дров у нас не было, зачем бы они у нас были. Упали ранние сумерки. Мы с мужем сначала надели на себя все что было – у меня, например, была синтетическая шуба по прозвищу «чингисханка» – варварская, золотистая, в цветных квадратиках по подолу. Потом затопили камин невыброшенными подшивками «Нью-Йорк Таймс»; цветные страницы горели особенно зловонно и неряшливо: по комнате разлетались черные хлопья размером с бабочек и садились на наши лица, так что минут за двадцать мы потеряли человеческий облик.

В холодильнике нашлась ужасная водка «Попов» и сосиски. Я вытащила из холодильника решетчатую полку, засунула ее в камин, и мы, стоя на четвереньках, с черными пятнистыми лицами, жарили сосиски на «Нью-Йорк Таймсе», запивая их русским народным напитком и рассуждая, со все крепнущей уверенностью нетрезвых людей о сравнительном преимуществе бревенчатой сибирской избы перед этой страной западной цивилизацией.

(...)